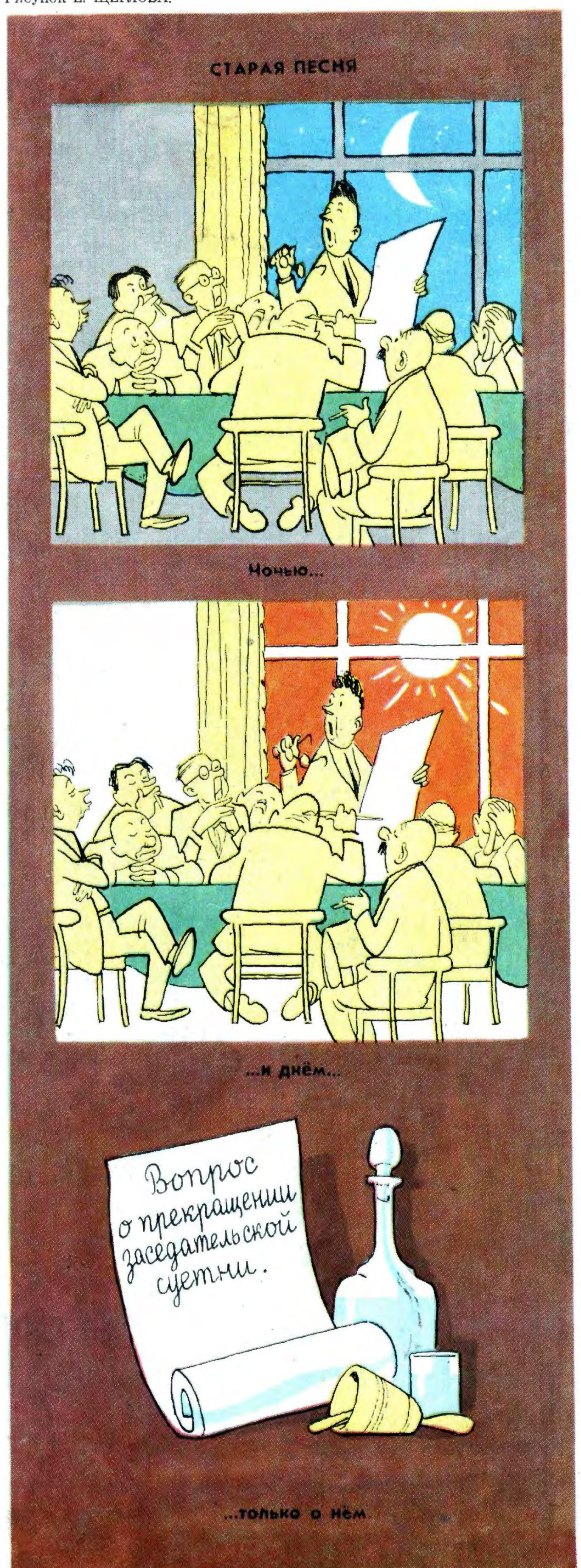
Рисунок И. СЕМЁНОВА.

КУКУРУЗА: — С такой нянькой я не скоро вырасту!

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 16 10 ИЮНЯ (1450) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

ВНИМАНИЕ! ИДЕТ ОРГНАБОР!

— Следующий!

В комнату с застарелым запахом табака входит очередной посетитель и останавливается перед столом Василия Ивановича Секретарёва. Василий Иванович, полномочный представитель Горьковского областного отдела организованного набора рабочих в Заветлужском районе, изображает на своём лице крайнюю степень гостеприимства.

— Давай, давай, заходи! Будь как дома. Никак, вербоваться пришёл?

— Ась?

— Завербоваться, говорю?

— Чего?

— Да ты что, батюшка, глухой?

Посетитель показывает на ухо. Доверительно сообщает:

— На оба!

— М-да... Неприятность... Однако пойдём навстречу — завербуем!

Сидящий в комнате гражданин с редкой рыжеватой бородкой на линялом лице, которого Секретарёв запросто называет Митей, говорит:

— Как же вы, Василий Иванович, глухих вербуете в лес?

— А что из этого следует? Для лесоруба ухо — самый что ни есть последний орган. Для музыканта или композитора — дело другое. Да и то среди них попадались глухие. Сам читал... Вот если бы у этого гражданина рук не было, тогда разговор другой...

— А вы медицинскую справку поглядите. Тут чёрным по белому написано: «Не владеет правой рукой».

— Хм... Как же так?.. Ну, ничего, возьмём!

— Василий Иванович, побойтесь бога! Какой же из него лесоруб?

— Ничего! Приноровится!

Уполномоченный с профессиональной быстротой заполняет необходимые документы.

В комнату входит следующий гражданин.

— Здравствуйте, голубчик,— гостеприимно улыбается Секретарёв.— Вы тоже вербоваться?

— Так точно.

— Откуда прибыли?

— Из психобольницы.

— Кем там работали?

— Я не работал, я лечился...

Митя опасливо смотрит на посетителя.

— Значит, в лес хотите? — хладнокровно спрашивает Секретарёв.— Что ж, это разумно. Свежий воздух, хвоя — всё это укрепляет нервную систему.

— Хвоя нам ни к чему,— мрачно замечает пришедший.

— Как знать! А может, она и поможет,— говорит уполномоченный.— Присаживайтесь. Сейчас с вами договорчик оформим!

Вновь испечённый лесоруб подписывает договор, обводит тяжёлым взглядом комнату, прячет в карман аванс и, не прощаясь, закрывает за собой дверь.

— Что же вы делаете, Василий Иванович? — боязливо оглядываясь на дверь, жарко шепчет Митя.— Как он в лесу будет работать?

— Эх, Митя, Митя! — снисходительно басит Секретарёв.— Ничего ты, Митя, не смыслишь!

— Однако, Василий Иванович, за такой набор вас могут того...

— Ерунда! Поглядел бы ты, Митя, как другие уполномоченные шуруют! Кантова Бориса Владимировича знаешь? В Линдовском районе промышляет. Вот это жох! Недавно послал он в область сообщение, будто направил в леспромхоз двадцать девять человек. А поехало всего четверо!

— А остальных он выдумал?

— Фамилии, понятно, не выдумал. Переписал из старой телефонной книги. Потом в поддельный акт внёс!

Митя с нескрываемым изумлением смотрит на своего собеседника. Насладившись произведённым эффектом, Василий Иванович продолжает:

— Да что Кантов! Были уполномоченные почище Кантова. К примеру, Охлопков Николай Фёдорович. Вот это мастер! Заключил он договоры с постоянными работниками Ковернинского леспромхоза и сообщил в область, будто выполнил план набора рабочей силы для этого леспромхоза. Каково? Додуматься ведь надо!

— А как же областное начальство? — непритворно изумляется Митя.— Ведь за такой фортель можно и на скамью усадить?

— Тёмный ты человек, Митя,— улыбается Секретарёв.— Наше начальство только цифрой и живёт. Вот, скажем, отрапортовали тов. Бородин и его помощник тов. Якубович, что прошлогодний план перевыполнен на тысячу человек. Они сразу в герои выходят. ЦК профсоюза и Главоргнабор их почётными грамотами награждают. А за что, спрашивается? Из трёх тысяч завербованных в комбинат «Горьклес» около пятисот ушли, успев только расписаться в получении безвозвратного пособия, сотню уволили за прогулы, полтысячи оказались неспособными к физическому труду, а всего до окончания срока договора улетучилось больше двух тысяч человек!

Митя посрамлён. Василий Иванович закуривает и снова кричит в дверь:

— Следующий!

В комнату входит очередной посетитель.

Оргнабор продолжается!..

Н. КОТОВА

г. Горький.

АППЕТИТ ПРОХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

Неизвестно, кто был автором сказки про скатерть-самобранку. Если женщина, всё понятно: автору-женщине до смерти надоела ежедневная отупляющая возня у печки. Если автор был мужчиной, наверно, это был добрый человек, пожалевший жену и вселивший в неё надежду: «Эту чудесную скатерть мы раздобудем!»

Сказочному ковру-самолёту повезло. Он усовершенствован настолько, что перестал быть ковром и сделался самолётом. А скатерти кое-где явно не везёт до сих пор.

Например, на фабрике-кухне № 1, что находится в городе... впрочем, об адресе этой фабрики-кухни мы поговорим после. Здесь желанная скатерть-самобранка превратилась в липкую клеёнку.

Но у тех двух тысяч едоков, по большей части работников соседнего завода, аппетит начинает пропадать задолго до соприкосновения с липкой клеёнкой. Аппетит портится уже в вестибюле, где их охватывает удушливый запах дезинфекции. Можно бы поддерживать чистоту в соседних помещениях при помощи горячей воды и мыла, но, видимо, администрация считает, что тогда её усердие по поддержанию чистоты не будет бить в нос.

Аппетит продолжает портиться в очередях: первая — длиннейшая — в кассу, вторая — к окошку за супом, третья — к другому окошку, за вторым блюдом.

Прекрасная вещь — самообслуживание! Однако на фабрике-кухне трудно обслужить себя за обедом. Там нет ножей и вилок. В коробке для общего пользования лежат только ложки, чайные и столовые, алюминиевые и липкие. Стаканы с чаем суют из окошечка, из рук в руки, чай не горячий. Да это вовсе и не чай, а мутноватая, тепловатая водица!

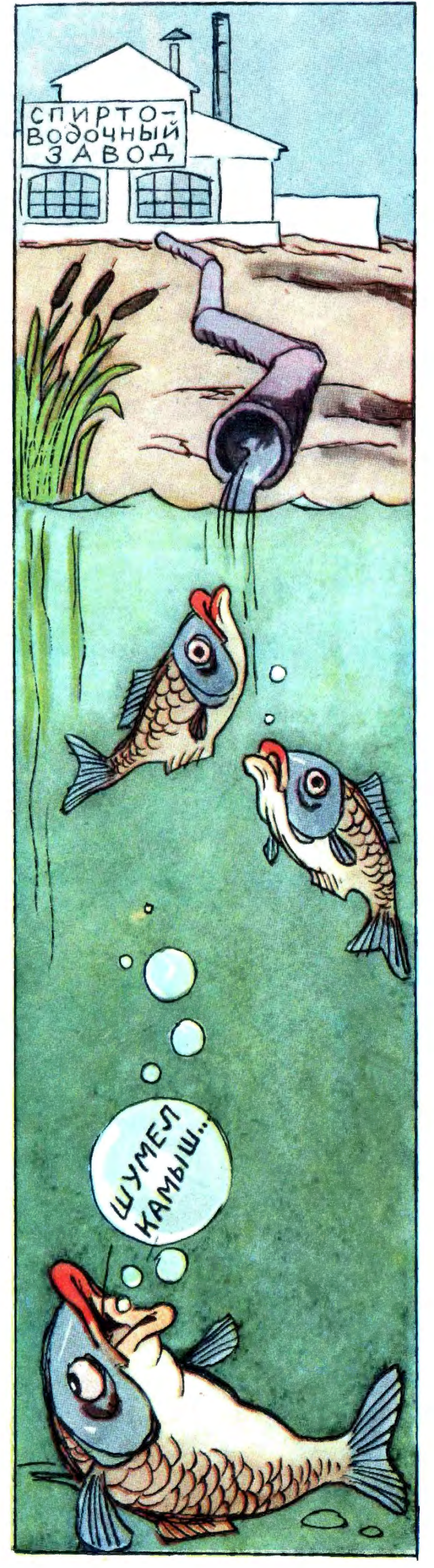
За одним из столиков сидит технолог завода и сосредоточенно ощипывает крыло гуся, выловленное из тарелки с супом. Гусь был сварен, но кое-где на нём сохранились перья. Может быть, технолог сделал бы лучше, если бы выбрал в меню «щи на рыбном бульоне со сметаной»? Но это название вызывает у него недоверие. Он с детства помнит, что единственная рыба, требующая сметаны,— это карась. При упоминании о карасе любители-рыбаки, присутствующие за столом (где только нет рыбаков-любителей!), начинают оживлённо толковать о выползках, опарыше, мотыле и всякой прочей наживке. Инженер, тоже работающий на заводе, обнаружил, к своему ужасу, такую вот карасёвую наживку в порции гуляша. За столом из деликатности он не называет её точнее. Электрик и механик не только вместе работают в сборочном цехе, но и за обедом у них общие вкусы: оба не притрагиваются к слипшимся в комок макаронам, политым коричневатой жижей, напоминающей краску для полов... Домашняя хозяйка в семье сама десятая. У неё семеро ребятишек, и хотя это своя и любимая, но всё же орава, и сготовить на неё обед не так-то просто. Многодетная мать мечтает о столовой, где бы можно было взять на дом кашу, сырники, простоквашу. Но ничего такого нет на фабрике-кухне, и она довольствуется сыроватыми, бледными оладьями, про которые говорит со вздохом:

— Допеку дома!

— Это не обед, это — оскорбление личности! — со всей непримиримостью молодости заявляет студент и ковыряет ложкой (вилок-то не дают) кусок баранины, жёсткой, как сбруя, только без металлических бляшек.— Почему обыкновенная женщина — мама — стряпает так вкусно, что просто объедение? А здесь специалисты-повара кормят по принципу «лопай, что дают», как у Чехова в «Жалобной книге»!

Впрочем, не все жалуются. В книге жалоб и предложений есть записи, которые больше напоминают поздравительные открытки дореволюционного образца: «С днём ангела!» Например, шахматисты, участники проводимого в городе чемпионата, написали: «Большое спасибо за обед!» А физкультурники, приезжавшие в город на соревнование, запечатлели свои восторги: «Поздравляем с отличной организацией общественного питания!»

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

КЛЮНУЛИ...

Однако в красивый хор организованно благодарствующих врываются записи и совсем другого тона:

«...Голубцы недоброкачественные, сырые. До каких пор будут длиться безобразия?..»; «Столы грязные, в столовой нет вилок и ножей...»; «Кушал гуся в перьях...» и т. п.

Объяснение разноречивости записей самое простое: участников конференций, соревнований и чемпионатов провожают через общий зал с липкими клеёнками в отдельную комнату со скатертями. В этакий кулинарный заповедник, где всё обилием дышит. И там их кормят действительно вкусно.

На фабрике-кухне есть из чего готовить и есть кому готовить; и повара не новички, и помещение просторное, светлое, и на складе пятьсот штук вилок и ножей — количество, вполне достаточное для того, чтобы не терзать котлеты ложками. Есть и масло и доброкачественная баранина, предназначенная для жаркого, а не для сыромятных ремней. Одного нет. Нет желания у директора кормить одинаково хорошо и редких, почётных гостей и обычных посетителей.

Кабинет директора треста столовых находится как раз над общим залом. А обедает он, по собственному признанию, только у себя дома:

— Чтоб не было нареканий, будто я кушаю бесплатно.

Вряд ли кто заподозрит директора треста в желании поесть на даровщинку. Все в городе знают, что директор треста питается дома по другой причине, а именно: дома кормят вкусно, а в руководимых им столовых — невкусно.

И ещё в одном твёрдо уверены жители города. В том, что дело с общественным питанием в их городе вполне прояснилось бы, если бы председатель горсовета раз в неделю запросто (не указывая заранее дня) наведывался на фабрику-кухню. И, подсев к столу рядом с технологом и мастером, похлебал бы щец из общего котла, тех самых, что с гусём. Наверное, тогда технологу не пришлось бы ощипывать гуся в своей тарелке, а клеёнки заблистали бы свежестью и, чего доброго, превратились бы в накрахмаленные скатерти. И вот наконец настало время сказать, где же эта фабрика, где этот дом и что это за город, в котором общественное питание приняло формы личного оскорбления питающихся.

— Всё это было совсем недалеко от Москвы,— сказала я, прочитав редактору свой фельетон, и назвала адрес.

— А вы не ошибаетесь? — недоверчиво спросил товарищ с Урала, находившийся в это время в кабинете редактора.— Я подразумеваю не факты, а место действия. Это как раз у нас...

— Нет уж, позвольте, не у вас, а у нас! — прервал уральца наш коллега, белорус.

— Не согласен,— заявил московский адвокат.— Это в нашей судейской столовой дают один ножик на троих к жёсткой, как сбруя, баранине. Мне до сих пор непонятно, зачем доводить баранину до крепости сбруи и почему едоков, прокуроров и адвокатов, лишать возможности использовать столовый нож по назначению.

В споре родилась горькая истина: не одна описанная в фельетоне фабрика-кухня, а, к сожалению, и многие другие портят едокам аппетит во время еды.

Какой же адрес проставить в фельетоне? Может быть, вы это сделаете сами, товарищ читатель?

Варвара КАРБОВСКАЯ

Крокодильские частушки

Позабыть необходимо,
Что тайга непроходима.
Ты отважно, молодёжь,
Вдоль и вширь. тайгу пройдёшь.

Не в палатах, а в палатках
Для начала будем жить.
Но у нас на то и хватка,
Чтоб самим дома сложить.

Признаюсь, одну измену
Я могу простить дружку:
Милый мой влюбился в Лену —
В полноводную реку!

Жоржик с нами не поедет,
Он трезвонит там и тут:
— В Омске бегают медведи
И к прохожим пристают...

Очеркист достиг Тюмени
И поведал от души,
Что сибирские пельмени
Очень к водке хороши.

Молодой оратор звал
Всех поехать за Байкал,
Но боялся одного,
Не послали б самого...

Песни слышатся в эфире
Про былые дни Сибири,
А о нынешней Сибири
Что-то песен нет в эфире.

В. БАБАЯН

Своё—не чужое

Есть у меня один сосед,
Взгляните, вот его портрет.
Он добровольно, без острастки
Весь день проводит на участке.
Неукоснительно следит он,
Чтоб соком колос был напитан,
А где репейник иль бурьян,—
Он тут как тут, ретив и рьян.
Всё вырвет как нельзя жесточе,
И так проводит дни и ночи.
Важна для нас деталь одна,
Удастся скрыть её едва ль нам:
Всё это происходит на
Участке индивидуальном!
А на колхозном — стиль не тот,
Другой размах, другой подход
И отношение такое,
Что не поймёт никто из нас,
Где он достал такой запас
Невозмутимого покоя!
Таких людей видали вы,
Своекорыстно-нерадивых,
И можно их найти, увы,
Не только на колхозных нивах.

Перевёл с армянского АРГО.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Профсоюзы перестали спорить с хозяйственниками. Между ними царят тишь и гладь.

(Из газет.)

— Нет-нет! Я не привык ссориться с соседями!..

Сергей СМИРНОВ

Песенка туриста

Общаясь с композиторами, я с грустью убедился в том, что они отдают предпочтение подтекстовкам, то есть очень любят, когда поэт пишет текст на готовую музыку, и, к сожалению, чрезвычайно редко соглашаются писать музыку на стихи. Поэтому я решил не утруждать ныне здравствующих товарищей композиторов и написал стихи на мотив популярной песни композитора Дунаевского «Весёлый ветер».

Дело в том, что мы, группа советских туристов, отправляемся на теплоходе «Победа» вокруг Европы по маршруту Одесса — Ленинград. Вот мне и захотелось в оперативном порядке написать песенку нашего первого рейса. Я назвал её «Одесса — Ленинград».

Одесса — Ленинград

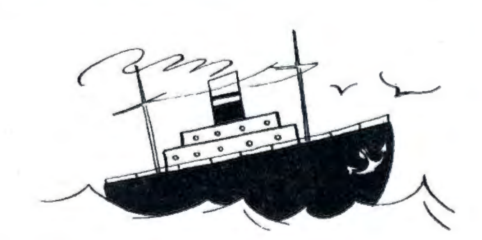
Как хорошо, друзья, у нас на теплоходе,
На теплоходе, на теплоходе!
Он сто очков даёт вперёд любой погоде
И держит путь Одесса — Ленинград.

Мы заморской романтикой дышим.
Даже чайки завидуют нам.
Ах, сколько мы услышим,
Увидим и напишем!..
Вперёд, друзья, по всем волнам!

Так встречай же гостей, заграница!
Дым «Победы», клубись за кормой!
Мы Родины частица,
Гостим, пока гостится,
И с песней мы придём домой!

Как хорошо, друзья, у нас на теплоходе,
На теплоходе, на теплоходе!
Он сто очков даёт вперёд любой погоде
И держит путь Одесса — Ленинград.

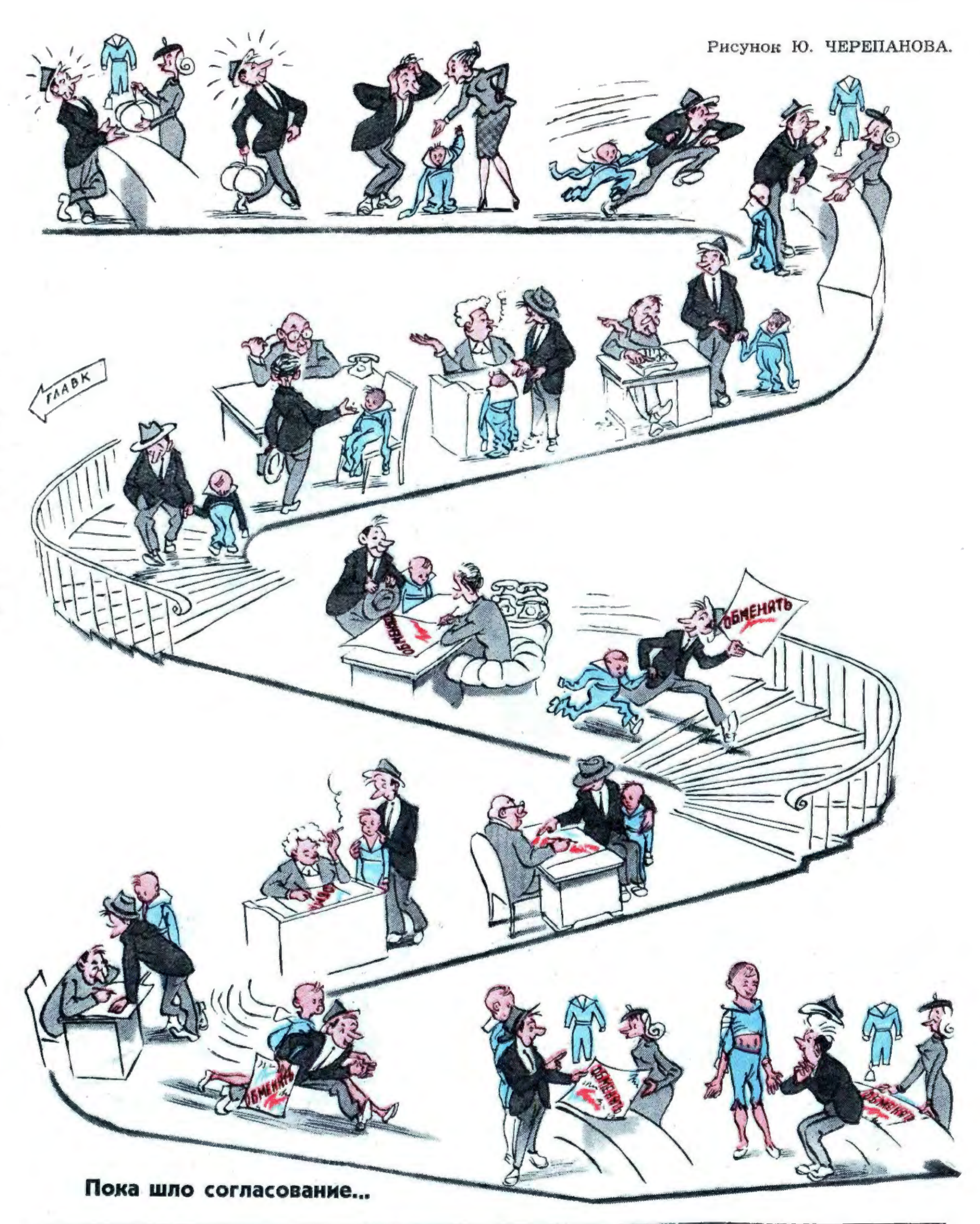

Нам заморские страны открыты,
Каждый город и каждый музей;
А раз они открыты,
Да здравствуют визиты,
Где я и ты найдём друзей!

Так встречай же гостей, заграница!
Дым «Победы», клубись за кормой!
Мы Родины частица,
Гостим, пока гостится,
И с песней мы придём домой!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Пока шло согласование...

Рисунок А. ВИНОГРАДОВА.

— Как будто ничего не пили, а в глазах двоится...

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки С. КУЗЬМИНА.

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Директор школы стоял у окна и смотрел во двор, где в это время, пользуясь переменой, третьеклассники, визжа и улюлюкая, гоняли по траве пустую консервную банку, забивая воображаемые голы в воображаемые динамовские ворота.

Он был так увлечён этим зрелищем, что Ольге Филипповне пришлось кашлянуть, чтобы дать ему знать о своём приходе. Директор оглянулся и с лёгким смущением сказал, улыбаясь:

— Засмотрелся на наших сорванцов! Извините!

Заметив выражение озабоченности, даже тревоги на немолодом, серьёзном лице учительницы, он поспешно прибавил:

— Что с вами, Ольга Филипповна? Случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось,— сказала Ольга Филипповна.— Мне только что передали... вот это.— Она подала директору конверт.— Меня вызывают... а у меня урок в четвёртом классе. Но тут указаны точные часы явки.

Директор вынул из конверта бумажку, взглянул на штамп в углу, прочитал и, аккуратно вложив бумажку назад в конверт, вернул его учительнице.

— Придётся пойти, Ольга Филипповна! — сказал он, вздыхая.— Написано: «По лично Вас касающемуся делу». Наверное, что-нибудь важное! Идите, а в четвёртом классе ваш час мы займём физкультурой. Я скажу Лещеву.

Учительница кивнула ему гладко причёсанной седеющей головой и вышла, прямая, сухощавая, всё ещё стройная для своих лет.

...Кабинет работника, который вызвал Ольгу Филипповну, помещался на четвёртом этаже. Лифт не действовал: в его открытой настежь кабинке возился, гремя инструментами, усатый хмурый монтёр. Ольге Филипповне пришлось пешком подниматься по крутой лестнице, и когда она нашла наконец нужную комнату с табличкой на двери «М. С. Сатанеев», сердце у неё билось сильно и часто. Передохнув, учительница постучалась. За дверью странно высоким голосом, почти дискантом, отозвались: «Да, да!» Ольга Филипповна отворила дверь и увидела, что странный дискант принадлежит сидящему за обыкновенным канцелярским столом о двух тумбах очень большому, рослому мужчине. М. С. Сатанеев был лысоват, безбров, его по-детски толстенькие, тугие щёки как бы излучали здоровье и оптимизм, а ясные, даже не голубые, а бирюзовые глазки сияли приветливо и добродушно.

Он был чем-то похож на младенца, которого за неделю раскормили волшебной кашкой до размеров почти великана, одели в скромную пиджачную пару из синего бостона, обули в скороходовские туфли 46-го размера, посадили в отдельный кабинет и назначили ему более чем приличную зарплату.

Ольга Филипповна назвала свою фамилию. Сатанеев обрадовался:

— Да, да!.. Присаживайтесь, пожалуйста, Ольга Фёдоровна!

— Филипповна, — поправила учительница, пожимая его пухлую, несильную руку.

— Да, да!.. Ольга Филипповна, извините. Да, да!

«Что это, голос у него, как у скопца?! — неприязненно подумала Ольга Филипповна.— И зачем он повторяет эти «да, да»? Наверное, привык с детства, а учителя и родители не отучили во-время».

Она сказала:

— Я вас слушаю, товарищ Сатанеев.

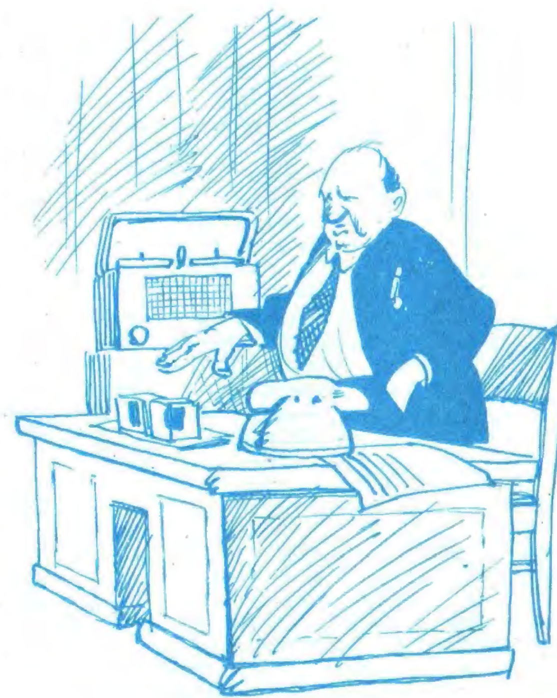
— Вы в школе уже тридцать лет работаете, Ольга Фи... ларетовна?

— Филипповна! У меня стаж — тридцать один год.

— Да, да!.. Извините, столько приходится держать в голове имён и отчеств! Да, да!.. Общественную работку ведёте, кажется?

Ольга Филипповна со свойственной ей точностью сказала, какую общественную работу она ведёт в школе и вне школы.

Сатанеев смотрел на неё, ласково улыбался и, повидимому, будучи доволен её ответами, всё кивал головой и повторял: «Да, да!.. Да, да!..»

— Здоровье как? Позволяет? — спросил он, продолжая улыбаться с той же безмятежной ласковостью.

— Что, простите, позволяет?

— Позволяет выполнять общественные поручения и нести необременительные нагрузки?

— Позволяет пока.

— Прекрасно! Да, да!.. Вот, значит, какое дело, Ольга Фе... Фо...— Сатанеев запнулся, в бирюзовых глазках мелькнул испуг, сменившийся выражением торжества, когда ему удалось всё же предупредить оплошность,— Филипповна, попрошу вас громко прочитать этот текстик.

Он достал из ящика своего стола какую-то бумагу и подал её Ольге Филипповне.

— Только, пожалуйста, с выражением! — сказал Сатанеев, умильно щурясь.— Как будто вы стишок или басенку читаете в классе ребяткам!

Удивлённая безмерно, Ольга Филипповна взяла бумагу и громко, но безо всякого «выражения» прочитала отпечатанные на машинке строчки:

— «Позвольте мне от имени учителей нашего города передать всем вам горячий привет и пожелать успехов в вашей плодотворной работе!»

С тем же удивлением она положила бумагу к себе на колени и взглянула на Сатанеева. Тот был в восторге.

— Прекрасно, Ольга Филипповна! Да, да!.. Просто великолепно! Голос у вас звучит — можно позавидовать! Да, да!.. Сейчас я вас попрошу ещё раз прочитать — для магнитофончика. Мы дадим прослушать ленту самому Ивану Саввичу, посоветуемся... Но можете быть спокойны: пройдёте. Я вам это обещаю!

Говоря всё это, он поднялся из-за стола, подошёл к окну и стал хлопотать у магнитофона, который Ольга Филипповна только сейчас заметила.

— Приветствовать конференцию — это ведь не простое дело! — суетясь, продолжал говорить Сатанеев.— У одного дикция подкачала: каша во рту такая, что хоть ложками её оттуда выгребай. У другого не голос, а козлетон... Да, да!.. Вроде как у меня.— Он хохотнул.— Третий длинные слова перевирает. Всю торжественность момента можно под откос пустить. Ну-с, начнём! Прошу вас, Ольга Филипповна!

— Послушайте, как вам не стыдно! — вдруг сказала учительница.— Вы срываете меня с работы ради каких-то... репетиций оскорбительных. Меня дети ждут в школе! До свидания!

Она встала и вышла. И только тогда ошеломлённый Сатанеев выключил магнитофон. Он посидел, обиженно отдуваясь с полчаса, обдумывая, как бы наказать строптивую учительницу построже, и, когда придумал, снял трубку и позвонил по внутреннему телефону наверх, к Ивану Саввичу. Тот сказал, что Сатанеев может сейчас зайти к нему, если уж у него такое срочное дело.

Выслушав Сатанеева, Иван Саввич несколько секунд молчал, глядя на своего подчинённого в упор маленькими чёрными, жгучими глазами, потом спросил равнодушно:

— Что же вы предлагаете?

— Во-первых, заменить её другой кандидатурой! — бодро сказал Сатанеев.— Новую я, конечно, тоже проверю, Иван Саввич, не беспокойтесь, чтобы не подвела по линии благозвучности, а во-вторых, надо призвать её к порядку, Иван Саввич. В этих стенах — и такое поведение! Я так думаю: надо сделать звонок в профсоюз, поскольку она беспартийная, к сожалению, и дать указание, чтобы её вызвали и пропесочили как следует!

Он замолчал, напряжённо всматриваясь в непроницаемое, твердоскулое лицо Ивана Саввича — человека для него нового и ещё не изученного во всех тонкостях и изгибах его вышестоящей души.

— Начнём сразу со вторых,— медленно произнёс Иван Саввич.— «Сделать звонок», как вы сказали, надо.

Сатанеев закивал головой и пробормотал:

— Да, да!..

— Только не в профсоюз,— продолжал Иван Саввич, не спуская глаз с лица Сатанеева,— а в школу!

— Директору? Понимаю!

— Нет, не директору! Позвонить надо Ольге Филипповне, учительнице. Позвонить и сказать: «Извините меня, Ольга Филипповна, за бестактность, которую я допустил по отношению к вам...»

Если бы бронзовый лев, украшавший чернильный прибор, стоящий на столе у Ивана Саввича, вдруг ожил и, зарычав, ударил бы Сатанеева когтистой царственной лапой по лысоватому черепу, даже и тогда Сатанеев поразился бы меньше, чем сейчас. Он стоял, открыв рот, большерукий, большеногий, совсем уж похожий на младенца-великана, впервые в жизни увидевшего небывалую «бяку».

Наконец он пришёл в себя и с трудом выдавил:

— Но ведь я же... со всей чуткостью подошёл к ней, Иван Саввич!

— Очень плохо, что вы не понимаете своей ошибки!

— Нет, я понимаю! — спохватился Сатанеев, всю жизнь не любивший такие слова, как «ошибка» и «не понимаете», и смертельно боявшийся их.— Да, да, понимаю!.. Хотя... при Сергее Васильевиче мне всегда приходилось обеспечивать торжественность... И никаких претензий!.. Да, да!..

Иван Саввич пожал плечами и сказал:

— Знаете что, лучше уж тогда не звоните!

— Нет, я позвоню... раз такая линия! Да, да!..

— При чём тут линия? — Иван Саввич махнул рукой.

— Я понимаю!.. Да, да!..

В чёрных, сверлящих душу, проницательных глазах Ивана Саввича прыгали бесенята язвительной усмешки и как бы кричали беззвучно: «Ничего ты, братец мой, не понимаешь!» Сатанеев видел и слышал их, но продолжал говорить:

— Понимаю!.. Да, да!.. Позвоню. Понимаю!..

Повторяя всё это, он бочком-бочком — так и вышел из кабинета.

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ ЛЕСА НЕ ВИДНО

Рисунки И. СЫЧЁВА.

НИ СНА, НИ ОТДЫХА

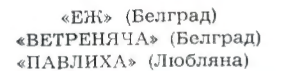
Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Школьные учебные программы перегружены, ученики выполняют домашние задания за счёт отдыха.

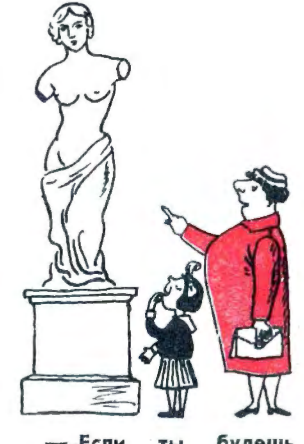
— А когда же ты будешь спать, сынок!
— Завтра на уроках.

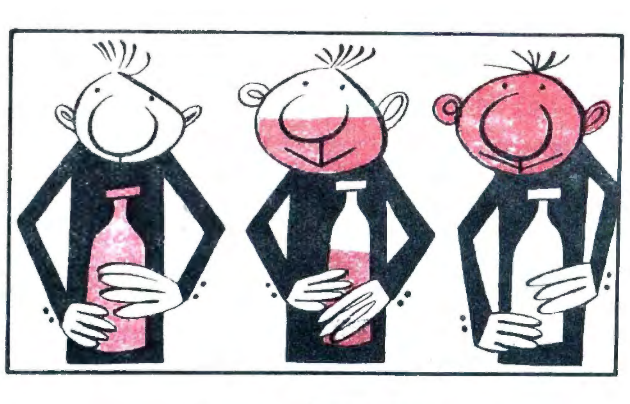

«ЕЖ» (Белград)
«ВЕТРЕНЯЧА» (Белград)
«ПАВЛИХА» (Любляна)

Эволюция дамской причёски.

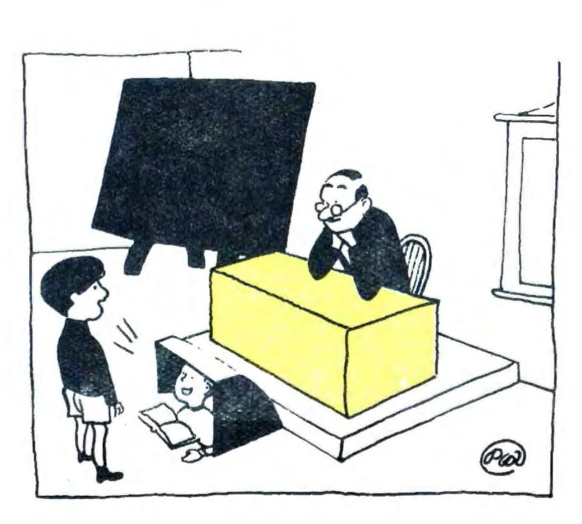
— Если ты будешь грызть ногти, с тобой случится то же самое!

Без слов об алкоголике.

— Я люблю только тебя одну, дорогая!

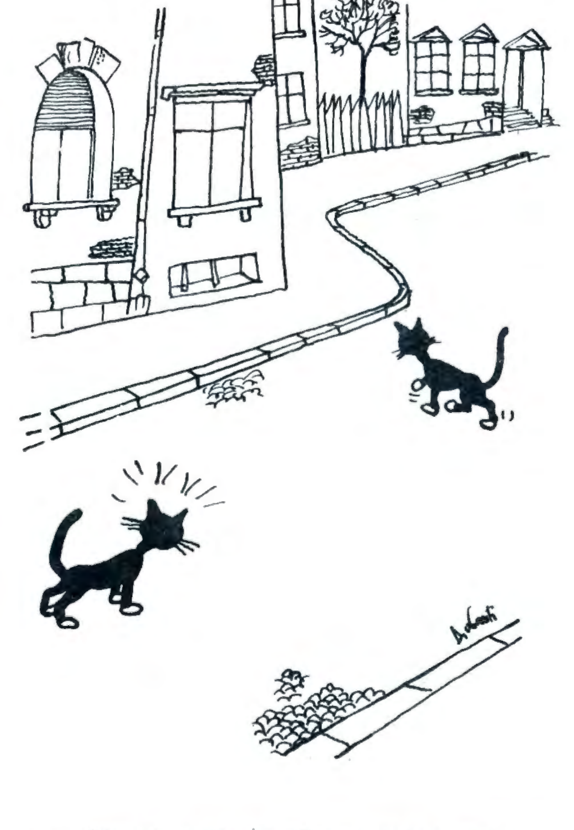

Мечта школьников.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ БОЛЕЛЬЩИК

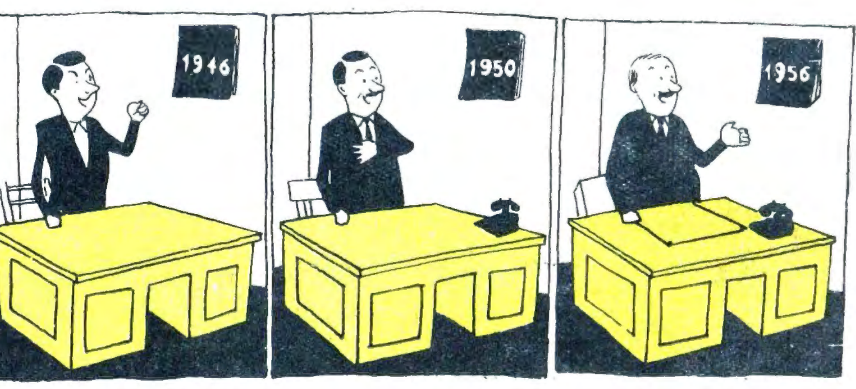

— Я занял место на завтрашний матч!

— Вот не повезло: чёрная кошка дорогу перебежала!

БУДНИ ОДНОГО МОЛОДЁЖНОГО РАБОТНИКА

— Мы, молодые... —Нас, молодых... — Нам, молодым...

ТАЙБЭЙ СТРОИТСЯ

В столице Тайваня городе Тайбэе не хватает тюрем. Крокодил (№ 9, 1956 год) уже писал, как чанкайшисты намереваются бороться с этим своеобразным дефицитом: они предусмотрели широкое тюремное строительство.

Однако надо отдать справедливость гоминдановцам: возведение тюрем – далеко не единственный вид капитального строительства на острове. Как сообщил корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, недавно в Тайбэе состоялась сдача в эксплуатацию нового великолепного дома.

Передавал здание чанкайшистский генерал Ван Шу-мин. Принимал американский генерал Дэвис. Ван Шу-мин с глубоким поклоном протянул Дэвису ключи:

– Прошу, мой генерал. Вот этот большой ключ от парадной двери. Эти, поменьше,– от вашего кабинета и от комнаты для богослужения. А эти – от парикмахерской, почты и библиотеки...

Корреспонденты, толкая друг друга, спешили запечатлеть исторический момент.

Надо полагать, Дэвис положил в карман солидную связку ключей. Ведь в новом здании двадцать один этаж! И на каждом из них теперь удобно располагаются американские лётчики.

Хотя ключи от всего острова давно уже перекочевали в руки заокеанских пришельцев, иногда они разыгрывают комедии вроде описанной. Авось, удастся кого-нибудь обмануть...

Говорят, что, проходя мимо вышеупомянутого здания, жители Тайбэя обычно обмениваются такими репликами:

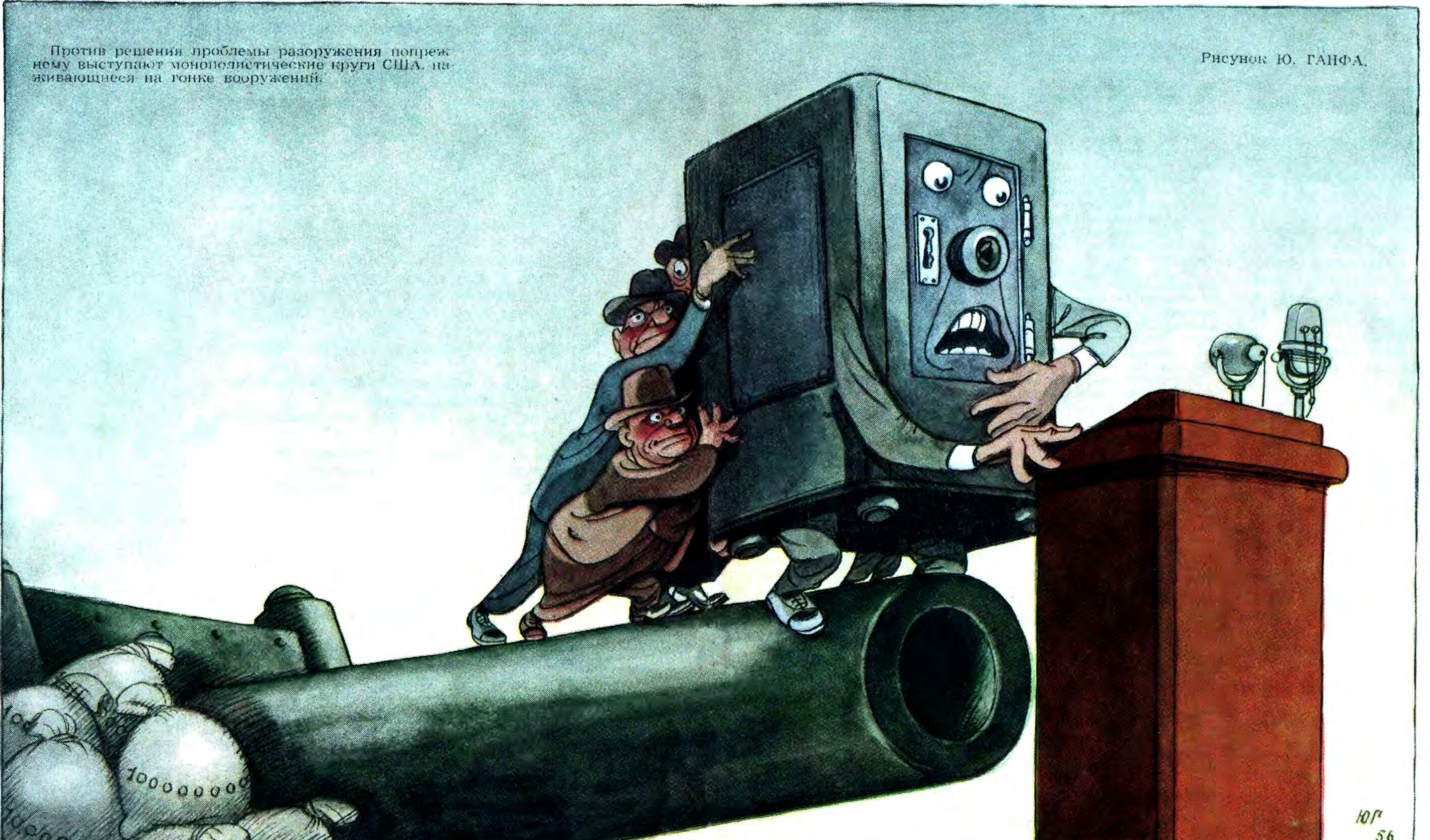
– Выстроили?
– Да. Только не для нас.
– Почему ты так думаешь?
– А потому, что на окнах нет решёток...

ДОВЕРИЕ ПОЛНОЕ И ВЗАИМНОЕ

По сведениям, поступившим из Бонна, там состоялась недавно строго конфиденциальная беседа с глазу на глаз между статс-секретарём Глобке и руководителем шпионской организации генералом Геленом. Задушевный разговор внезапно был прерван механическим скрипом, характерным для карманных звукозаписывающих аппаратов, какими можно пользоваться неприметно для собеседника.

Услышав скрип, статс-секретарь Глобке на минутку умолк, а затем спросил Гелена: «Чей это магнитофон заело — мой или ваш?»

Из журнала «Дер шпигель» (Гамбург).

— Я требую увеличения программы вооружений. Это необходимо для моей безопасности!

НАСЛЕДСТВЕННОЕ

Недавно депутат боннского бундестага Фриц Эрлер пытался утверждать, будто гитлеровские законы в нынешней Федеративной республике не имеют силы.

– Немедленно плачу двадцать марок,– темпераментно воскликнул он, обращаясь к одному из своих слушателей, студенту,– если вы в течение пяти минут назовёте десять законов, введённых Гитлером и действующих сейчас!

Каково же было изумление г-на Эрлера, когда студент исчез и вскоре снова появился с объёмистым сводом законов, из которого явствует, что в настоящее время в ФРГ не только существуют, но и практически применяются 27 (двадцать семь!) фашистских законов.

Убедившись в этом, г-н Эрлер тяжко вздохнул. Но вовсе не из-за того, что такие законы продолжают существовать. Нет, лишь потому, что, как он выразился, «приходится вытаскивать из кармана обещанные двадцать марок».

Из журнала «Ойленшпигель» (ГДР).

«Однако конгрессмены...»

Американский журнал «Бизнес уик» в одном из последних номеров опубликовал статью, посвящённую международной торговле, точнее, торговле между Востоком и Западом.

«Сейчас в большинстве стран,— пишет журнал,— наиболее могущественная политическая сила — это желание мира, а мир обычно отождествляется с торговлей. Однако конгрессмены в Капитолии высказывают совершенно противоположные чувства».

Что ж, спасибо за откровенность... Только, к счастью, в наши дни этих конгрессменовских чувств почти никто не разделяет.

Из последних известий

Как передаёт агентство Юнайтед Пресс из Нью-Иорка, американский генерал Антони Маколиф изволил выступить недавно на обеде в организации под миролюбивым названием «Военный орден мировых войн».

Генерал в основном превозносил Атлантический блок и расточал комплименты по адресу возрождаемой в Западной Германии армии. Поднимая очередной (видимо, уже далеко не первый) бокал, он, по сообщению того же агентства, «похвалил американские войска в Европе... как послов доброй воли».

В широких западноевропейских кругах единодушно указывают на странную забывчивость генерала Маколифа. Выражают недоумение по поводу того, что генерал не потрудился отметить весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что западноевропейскому населению вовсе не за что хвалить американские войска. Более того, говоря любезным сердцу генерала дипломатическим языком, эти «послы доброй воли» в военной форме расцениваются не иначе, как persona non grata, то есть нежелательные лица.

ЛИШНИЙ РОТ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Принёс несколько несчастных долларов, а платить надо лавочнику, за квартиру, за электричество да ещё за содержание Ли Сын Мана...

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ПРЕСТУПНОСТИ

Яркий, многокрасочный плакат. На плакате — обнажённая женщина в окружении покрытых кровью мужчин.

Краткая и очень чётко сформулированная надпись:

«Такой свирепый, такой неприкрытый, такой порочный фильм, что у вас волосы на голове встанут дыбом».

Это реклама фильма «Щит для убийства».

Недавно подкомиссия американского сената, занимающаяся расследованием преступности среди несовершеннолетних, опубликовала доклад на эту тему. Авторы выясняют вопрос о влиянии некоторых голливудских фильмов на причёски американских детей. Дело в том, что у них волосы встают дыбом во время некоторых киносеансов. Из этого доклада мы и почерпнули приведённую выше рекламу.

Несмотря на все новые веяния, в американском кино ещё не вывелись авторы таких боевиков, как «Щит для убийства». Ещё обитают в Голливуде режиссёры вроде Гарри Брауна, состряпавшего картину «Десять человек, которых разыскивают». Эти десять джентльменов совершают на глазах у несовершеннолетних зрителей в течение одного часа семнадцать зверских убийств.

На заседании упомянутой подкомиссии Гарри Браун защищал свой фильм, утверждая, что не все убийства в фильме являются порочными, что есть убийства приятные, симпатичные, что в его фильме только несколько убийств являются по-настоящему зверскими и заслуживают внимания просвещённых членов подкомиссии. Причём, по его мнению, и эти убийства введены в картину из чисто педагогических соображений.

«В этой картине,— сказал Браун,— только пять или шесть убийств, причём каждое из них содержит моральное поучение и даёт хороший пример американским детям».

Короче говоря, Браун даёт понять, что надо всячески рекламировать такого рода «моральные поучения».

В защиту «хороших примеров» выступает отряд специально нанятых для этой цели психологов и педагогов. В угоду кинобизнесменам они с учёным видом знатоков заявляют, что если дети смотрят в кино сцены чрезвычайной жестокости, то «это может явиться спасительным выходом для их агрессивных импульсов».

Выходит, что леденящие кровь киноужасы благотворно отражаются на воспитании подрастающего поколения. Оказывается, правильное воспитание заключается в том, чтобы у малышей волосы на голове почаще становились дыбом. Без этого ребёнок не ребёнок.

В то же время волосы становятся дыбом на головах тех взрослых голливудских дядей, которые при одной мысли о возможности запрещения рекламы преступных фильмов готовы кричать: «Караул! Грабят!»

В защиту такой рекламы высказался мистер Уайт, лицо более или менее официальное, руководитель так называемой «администрации кодекса рекламирования». С высоты своего кодекса он заявил, что непристойные рекламы непристойных фильмов «соответствуют принятым приёмам рекламирования».

Более того, такие рекламы, по мнению Уайта, хороши тем, что они «передают дух и общее впечатление, создаваемое фильмом, и если матери не хотят, чтоб их дети видели подобные картины, то таким образом они получают предупреждение».

В том же духе высказался и главный режиссёр киностудии «Колумбия» Джерри Уолд, который неплохо зарабатывает на фильмах, прославляющих всякого рода насилие. Он не только режиссёр, но и папаша. С точки зрения папаши он сказал:

— Мне не хотелось бы, чтобы мои собственные сыновья смотрели мои фильмы.

А уже с точки зрения хорошо оплачиваемого режиссёра добавил:

— Но ведь не кинопромышленники, а родители должны заботиться о том, чтобы дети не подвергались вредным влияниям!..

Словом, побеждает бизнес.

Старая коммерческая формула «Реклама — двигатель торговли» должна быть в ряде случаев заменена новой, той самой, которая обозначена в нашем заголовке.

Е. ГРИГОРЬЕВ

Советы мудрой Барбары

С некоторых пор в американской прессе стали модными тягостные вздохи и даже стоны.

Вот недавно, в частности, раздался крик измученной души со страниц журнала «Атлантик». Расстроенная не на шутку публицистка Барбара Уорд в своей статье «Нужды Азии и политика Запада» буквально закатывает истерику.

В чём же дело? Оказывается, в Азии, как говорит чувствительная Барбара, возникает «зловещая угроза влиянию Запада».

Интересно, что это за угроза. «В общем осуждении империализма,— жалуется миссис Уорд,— перестали замечать заслуги преданного колониального чиновника. Забывают о его роли стража справедливости, хранителя безопасности и экономического прогресса, носителя идеалов и образцов Запада».

От расстройства чувств нервная дама несколько преувеличивает. «Заслуги преданного колониального чиновника», этого «стража справедливости», и прочая, и прочая, отнюдь не забыты народами Азии. Мы можем успокоить рыдающую Барбару: сей «носитель идеалов и образцов Запада» оставил по себе память в веках. Забыть так скоро?!.

Отирая слёзы платком, благоухающим ароматами духов, вывезенных из стран Востока, Барбара Уорд деликатно советует дипломатам «стереть некоторые неприятные воспоминания, связанные со временами имперского господства Запада».

Трогательный совет! Но как его осуществить?

Барбара Уорд рекомендует «образумить» азиатов. Убедить этих заблудших овец в том, что отказываться от нищеты и рабства невыгодно. При этом американская публицистка, конечно, вовсе не хочет лишать народы Азии «идеалов и образцов Запада». Миссис Уорд, которая так желает улучшить отношения с народами Азии, называет их невеждами. Просвещенная Барбара с таинственным видом заявляет, что, дескать, азиатские народы сами «не понимают», к чему может привести их независимая и миролюбивая политика, поскольку в основе этой политики «лежит невежество».

Барбара Уорд полагает, очевидно, что подобного рода «цивилизованные» оскорбления — милость, которая должна быть принята «низшими расами» с благодарностью.

Но как же всё-таки вести себя американским дипломатам в Азии? Как вернуть доверие азиатских народов?

Всё, в сущности, очень просто, уверяет миссис Уорд. Надо только изобрести какой-нибудь «новый метод сохранения духа старой колониальной службы». Тогда, дескать, можно будет с лёгким сердцем «признать, что колониализм исчез».

Статья Барбары Уорд преподносится журналом «Атлантик» вовсе не как юмористическое произведение. Тем не менее над ней можно вдоволь посмеяться. Не перевелись ещё, оказывается, на Западе отдельные самоуверенные деятели, пытающиеся учить уму-разуму народы целых континентов!

С. ШАТРОВ

МЫ КУПИЛИ «ТЕМП»...

Папа давно хотел купить телевизор. Мама не хотела.

— Пока я жива,— сказала она,— телевизора в доме не будет.

— Давайте, Ольга Ивановна, рассуждать логически,— попросил папа.

Я заметил, что когда родители начинают ссориться, они называют друг друга по имени-отчеству.

— Я не хочу рассуждать логически,— сказала мама.— Я знаю одно: если ты купишь этот ящик, мы вечно будем торчать дома. Мы забудем дорогу в кино и в театр и превратимся в стариков...

— Мы не превратимся,— сказал я.

— А ты не вмешивайся! Обойдёмся без твоих советов! — крикнул папа.— Тоже мне референт нашёлся!

— Подумай о нём,— продолжала мама, кивая в мою сторону.— Телевидение его погубит. Он начнёт приносить двойки, его оставят на второй год, выгонят из школы, и он не получит высшего образования.

— Та-та-та! — сказал папа.— Он получит высшее образование.

Мама начала понемножку плакать. Вытирая слёзы, она сказала:

— Все мои родственники имеют высшее образование. Все они зубные врачи, инженеры и экономисты. Есть даже нейрохирург. Дядя Миша, это ничтожество, и тот окончил институт, хотя сейчас заведует пистонами...

— Какими пистонами? — рассердился папа.

— Он стоит во главе артели, которая делает пистоны для пугачей. Он заведует пистонами, но имеет высшее образование. Он интеллигентный человек. А наш Петя будет неучем. Ты добьёшься этого!

— Я не буду неучем! — сказал я.

— Вот твоё воспитание! — ещё сильнее заплакала мама.— Он не даёт мне слова сказать!

Я сказал всего три слова. Мама сказала, наверно, сто. Папа это прекрасно слышал. Но он не заступился за меня. Он только закричал:

— Кончено! Прения закрыты! Будем жить без телевизора! Можно ещё отказаться от радио и газа. Будем жить, как жили наши предки при Николае Втором!

И мы начали жить, как жили наши предки.

Но однажды папа пришёл с работы и сказал, что так дальше продолжаться не может. Все давным-давно купили телевизоры. На службе только о них и говорят, когда собираются в буфете. Один папа стоит в стороне, как единоличник. А сегодня к нему подошёл сам начальник конторы товарищ Шугайло и спросил:

— Неплохая вчера была телепередачка? Что вы скажете о снегопаде в Сан-Паулу?

— Ничего особенного...

— Ну, а передача из цирка? Вы видели, как на третьей минуте Иван Загоруйко бросил через бедро Хусейна Сафарбека?

— У меня нет телевизора,— признался папа.

— О, вы отстали от жизни! — сказал Шугайло и отошёл от папы.

Он подошёл к другим работникам и всё время говорил с ними про Сан-Паулу и Сафарбека.

— Сорок пять лет я не видела Сафарбека и снегопады в Сан-Паулу,— начала мама.— Если я не увижу их ещё десять лет, у меня не будет инфаркта.

— Это не остроумно,— сказал папа.

Мама не любит ссориться с папой. У неё хороший характер. Такие характеры, она сама говорит, надо ещё поискать. Не везде их найдёшь. Папа, когда был женихом, не знал, какой у мамы золотой характер. Он об этом узнал после. Она всегда любит напоминать ему про это, чтобы он не забывал. И сейчас она напомнила.

— Слава богу, что у меня такой характер! — сказала она.— Купи телевизор. Будем смотреть, как твой Загоруйко бросает через бедро Сафарбека и как наш Петя получает двойки.

С этого дня только и было разговоров, какой купить телевизор: «Луч», «Экран» или «Темп». Старик Бедросов говорил, что надо купить «КВН» и линзу. Но папа сказал, что хорошие телевизоры не покупаются в магазинах, а достаются. Он достанет такой телевизор, что все ахнут. Старик Бедросов рассердился и сказал, что папа всё время ловчит и старается жить не так, как все люди. А папа ответил, что он не корчит из себя святого, как некоторые соседи-пенсионеры. Бедросов ответил, что он не святой, а папа хочет доставать все блага жизни через чёрный ход.

Я так и не понял, что такое блага жизни и как их надо доставать. Но я побоялся спросить. Когда взрослые ссорятся, лучше ни о чём не спрашивать.

На следующий день к нам пришёл человек, который достаёт телевизоры. Он был очень вежливый и совсем молодой. У него было чистенькое лицо и беленькие ручки, как у девочки. Мама сказала, что Юрик (так его звали), наверно, из хорошей семьи. У него длинные, музыкальные пальцы, и он хорошо ведёт себя за столом.

Юрик пил чай, кушал варенье из айвы и рассказывал, какой замечательный телевизор он привезёт. Это будет «Темп», но не простой, а экспортный. У простого «Темпа» двадцать две лампы. У экспортного — двадцать три. Из-за двадцать третьей лампы изображение не будет мелькать. Оно не будет прыгать, будто кто-то дёргает его за верёвочку.

Папа спросил, во сколько ему обойдётся лишняя лампа. Юрик опустил лицо. Когда он поднял, все увидели, что он красный, как рак. Это он так смутился. Мама начала просить его не смущаться, а папа положил руку на его плечо, засмеялся и сказал, что сразу видно, Юра не деловой человек. Мама дала ему ещё варенья. Он скушал только одну ложечку и, запинаясь, сказал, что такой «Темп» стоит на двести рублей дороже. Чтобы Юрик не смущался, мама спросила, есть ли у него родители и когда он окончил школу. Юрик сказал, что школу он окончил четыре года тому назад. С тех пор он нигде не работает, а только поступает в вуз. Он поступает, а его не принимают. Всё время ему не хватает очков. Он экзаменовался в восемь вузов, и всё зря. В Институте стали ему не хватило двух очков, в Театральном — трёх, в Ветеринарном — тоже трёх. А в Экономическом — чуть ли не полочка...

Тут мама сказала, что эти несчастные очки могут свести с ума всех детей и родителей.

— Очки здесь ни при чём,— сказал папа.— Всё дело в блате.

— Неужели четыреста тысяч человек поступает ежегодно в институты по блату? — удивилась мама.

— Определённо! — ответил папа.— Это факт!

Юрик тоже сказал, что это факт. Потом он добавил, что нашёл институт, где маленький конкурс и почти нет блата. Он решил подать туда на косточковое отделение.

— Это что ещё за петрушка? — спросил папа.

— Косточковое отделение — это вишня, слива и персик. Из них на комбинатах варят повидло, джемы и варенье.

— Сладкая специальность! — сказал папа.

— Мне всё равно, что варить: сталь или варенье. Я хочу получить высшее образование,— улыбнулся Юрик.

— Вот с кого бери пример, Петя,— сказал папа.— Вот так надо добиваться высшего образования!

Через два дня Юрик привёз на такси «Темп». Папа заплатил двести рублей за лишнюю лампу. Вечером пришёл техник. Он был весёлый, такой же молодой, как Юрик, и очень сильный. Он сам вынул из ящика тяжёлый телевизор и долго переносил его с места на место, пока мама не решила, куда его лучше поставить.

— Ну, как вам нравится эта экспортная штучка? — спросил папа.

— Хорошая машина.

— Не так просто её достать,— похвастался папа.— Эта лишняя лампа обошлась мне в двести рублей.

— Какая лишняя лампа?

— Будто не знаете!

— Честное слово, не знаю!

— Так я и поверил! Вам хорошо известно, что во всех экспортных телевизорах двадцать три лампы...

— В первый раз слышу! У «Темпа» двадцать две...

— А вы откройте заднюю стенку и посчитайте!

Техник открыл и посчитал. Там было двадцать две. Потом посчитали папа, мама и даже я. От этого ламп не прибавилось.

— Выходит, он обманул нас! — сказал папа страшным голосом.

— Боже мой, что же получается? — спросила мама у техника.— Неужели никому нельзя верить? Если бы вы видели, какой это серьёзный и воспитанный мальчик! Он так смущался, так стеснялся, так хорошо вёл себя за столом! У него такие красивые, музыкальные руки! И он так добивался высшего образования!..

— Не так его добиваются,— сказал техник.— Просто он лодырь, молодой тунеядец и пижон!

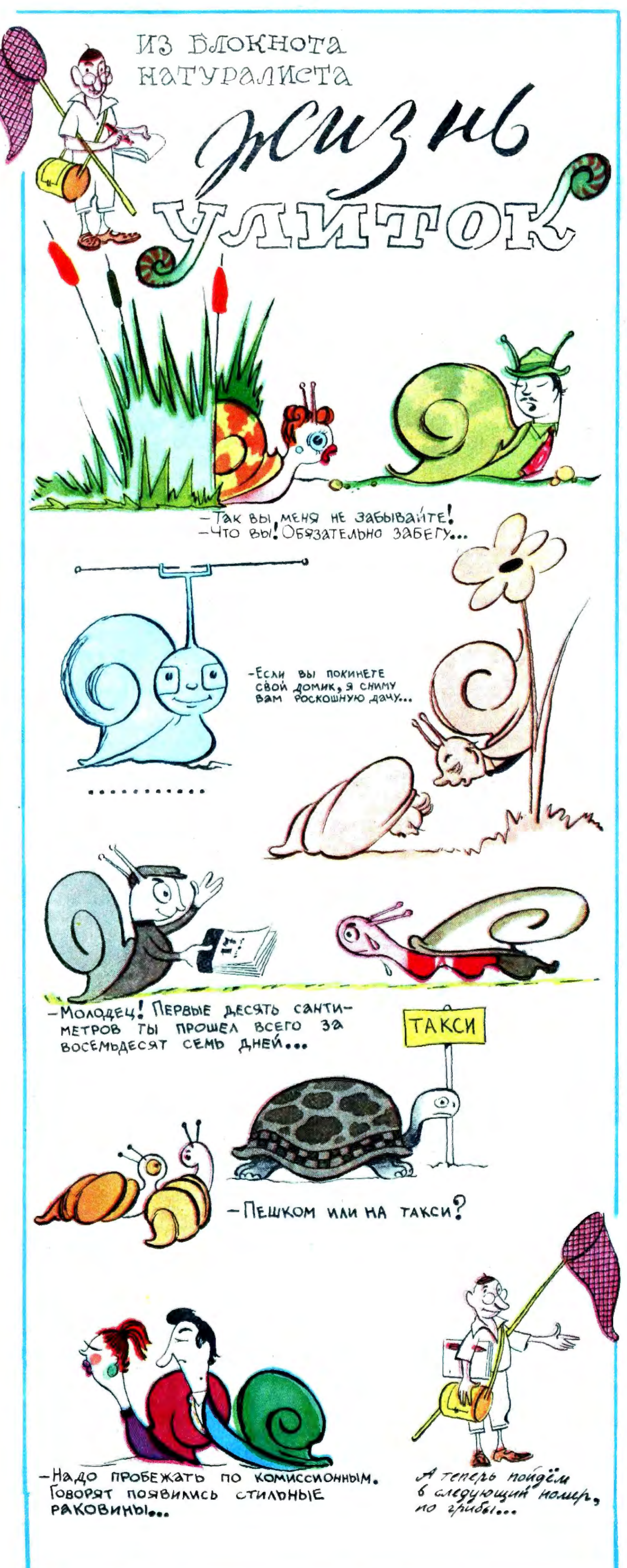
— Правильно! — закричал папа.— Четыре года человек лодыря гоняет, и никто ему слова не скажет. Где, я спрашиваю, наша общественность? Куда смотрит комсомол? Почему никто не заставляет трудиться этого оболтуса? Кого мы растим? Нет! Я категорически против!

Папа кричал до тех пор, пока техник не установил телевизор.

— Вот с кого ты должен брать, Петя, пример,— сказал папа, когда техник ушёл.— Молодой паренёк, кончил школу, честно трудится, стал самостоятельным человеком...

Телевизор стоит у нас уже две недели. Он хорошо работает. Он так хорошо работает, что я недавно принёс домой свою первую двойку.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

СЕГОДНЯ НА ПРИЕМЕ У КРОКОДИЛА

секретарь Пыщугского райкома КПСС Костромской области Ф. Л. КРОТОВ и председатель райисполкома А. А. ХАЗОВ

Крокодил. Дорогие товарищи! Какими судьбами? Рад вас видеть! Садитесь, пожалуйста. У нас о вашем гостеприимстве ходят легенды. Не хотелось бы перед вами ударить лицом в грязь по части гостеприимства.

Кротов. Спасибо, большое спасибо... Мы к тебе, дорогой Крокодил, за советом. Дело в том, что не так давно заглянул к нам в Пыщуг один руководящий товарищ из области. Мы, конечно, приняли коекакие меры...

Крокодил. Слышал, слышал. Говорят, сразу начали гостиницу чистить, жильцов переселять — освобождали апартаменты для гостя. Этажи осветили электрическим светом, новые кровати поставили, с никелированными шарами... Дверь у вас там, говорят, никогда не закрывалась, так её вдруг чёрным дерматином обили. Рассказывают, что таких перемен гостиница не видела со времён своей далёкой молодости. За одну ночь преобразилась!

Хазов (вдохновляясь). Мы не только с гостиницей постарались! А в единственной у нас столовой?! Там тоже хлопот немало было.

Крокодил. Слышал. Перед приездом гостя появилась новая печь. Дверь тоже обили и даже новую ручку привернули. Медную! Специально для руки ожидаемого гостя — новая ручка! На окнах — тюлевые занавески, на официантках — белоснежные наколки.

Хазов (перебивая). Занавески на окнах собственноручно развешивал заведующий столовой Павел Васильевич Заболотский. Официантку мы откомандировали в гардеробную, а вместо неё прислали на время секретаря и плановика райпотребсоюза.

Крокодил. Одним словом, постарались!

Кротов. Спасибо, дорогой Крокодил! Хоть ты оценил наши старания. А товарищ из области даже не заметил гигантских сдвигов в пыщугском быту.

Хазов. Зато кому не надо, заметили. Уж очень народ у нас в Пыщуге язвительный. Улыбаются как-то странно. Смотрят на нас иронически...

Кротов. Удивительный народ! Неужели им плохо, когда в гостинице сияют электрические лампочки?!

Крокодил. А электрические лампочки у вас везде сияют или только на одном этаже, там, где был гость? (Посетители молчат.) Официанток в белоснежных наколках, говорят, в столовой уже нет. Вернулись к исполнению своих прямых обязанностей. Только новая медная ручка на двери осталась да старое меню... Догостевого периода.

Кротов. Да, да, ручка осталась... Так вот, я говорю, пришли мы к тебе, любезный Крокодил, за советом. Как нам от иронических взглядов жителей Пыщуга избавиться?

Крокодил (подумав). Да очень просто! Работайте так, как будто у вас каждый день гость из области.

Записала Кл. БЕЛИК.

РУЛОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

1. Как должно было быть...

Человек в железнодорожной форме внимательно просмотрел протянутый ему документ и в сердцах спросил:

— Вы сами-то понимаете, что мне даёте?! Пока я работаю на станции Хабаровск-товарная, такой нелепице не бывать!

— Какой нелепице? — удивился грузоотправитель, работник хабаровской конторы Главбумсбыта.— Обычная операция отправки бумаги.

— Ничего себе «обычная»! Бумагу, изготовленную Холмским комбинатом на Сахалине и завезённую в Хабаровск, отправляете обратно на Сахалин! Четыре тысячи пятьсот километров пути вместо тех семидесяти пяти, которые разделяют изготовителя бумаги — комбинат — и получателя бумаги — Южно-Сахалинскую контору лесосбыта! Стыдитесь, братцы!

Грузоотправитель покраснел.

— Действительно, конфузия. Отправку, конечно, отменим, а на производственном совещании этот случай обсудим. Спасибо за урок...

Собеседники обменялись рукопожатиями. Здравый смысл восторжествовал.

2. ...и как было

Южно-Сахалинская контора лесосбыта просила Главбумсбыт отгрузить им бумагу с Холмского комбината на Сахалине. И получила деловитый ответ: подождите, распределим её — тогда пожалуйста!

И вот рулон едет с Сахалина на хабаровскую базу Главбумсбыта. А здесь, в Хабаровске...

Человек в железнодорожной форме небрежно взглянул на накладную № 675751, где говорилось, что сахалинская бумага из Хабаровска снова отправляется на Сахалин, и пощёлкал на счётах. Потом он долго рылся в столе, отыскивая четыре копейки сдачи...

Бумагу вскоре водрузили в товарный вагон, монотонно застучали колёса. Рулон, поскольку он бумажный, всё терпел и только слегка пылился в долгом пути. Здравого смысла не было и в помине.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Во многих городах уличные часы показывают разное время.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Уж Герман близится, а полночи всё нет...

ДОСАДНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Скорый поезд № 18 Евпатория—Москва приближался к столице.

Среди пассажиров царило оживление. Вещи были уже уложены, постели собраны, проводники в последний раз подметали коридор. Они всю дорогу заботились о пассажирах, и у кого-то родилась мысль:

— Напишем, граждане, коллективную благодарность нашим проводникам за образцовое обслуживание!

— Ой, товарищи, ради бога! — взмолились проводники.— Не пишите, пожалуйста, никуда ничего! Тем более в министерство!

— Но почему? — недоумевали пассажиры.

— Из-за этих благодарностей одни неприятности!

— Какая чепуха! — возразили пассажиры.— Ведь мы же благодарим, а не жалуемся!

И они написали в Министерство путей сообщения СССР письмо с благодарностью проводникам вагона № 9 Верещагину и Резяскину.

Пассажиры покинули вагон и пошли в город. Пошло и письмо, провожаемое невесёлыми взглядами проводников.

Первым делом оно пришло в Центральное бюро жалоб и писем министерства. Здесь письмо зарегистрировали, завели на него соответствующую карточку, взяли на контроль. И затем полученную благодарность переслали куда положено: поскольку письмо написали пассажиры,— значит, в Главное пассажирское управление. Пусть там будут в курсе дела! В этом управлении не отмахнулись, не отписались, нет! Тут составили своё собственное отношение, снабдили его на дорогу исходящим номером 2602/37/398 и всю переписку переправили в Управление спальных вагонов, и при этом заботливо предложили сообщить о результатах автору, Главному пассажирскому управлению и Бюро жалоб.

Управление спальных вагонов не осталось на последнем месте по чуткости. Оно поспешило откликнуться испытанным способом: к трём полученным бумажкам присоединило свою, четвёртую, за номером 8502/03, и все четыре отправились к начальнику того участка, в ведении которого состоят проводники.

В сопроводительной бумажке был чётко и определённо изложен наказ — рассмотреть эту благодарность, принять решение, о результатах сообщить автору, Главному пассажирскому управлению, Управлению спальных вагонов и Бюро жалоб.

Наказ есть наказ,— ничего не поделаешь; на участке «провели работу»: благодарность рассмотрели, приняли полагающееся решение, затем собрали проводников («Явка отличников обязательна!»), сообщили им о полученной благодарности и сели множить ответы: «Всем... всем... всем...».

Мы не против хорошей работы проводников. И даже не против благодарностей им. Пусть они получают как можно больше хороших отзывов. Пусть благодарности записывают в особую книгу тут же, в вагоне, пусть даже пишут в министерство. Но к чему же приводить в движение такой сложный канцелярский механизм? Не проще ли прямо переслать письмо на участок, минуя главные управления? Сколько тогда высвободится рабочих часов, на сколько уменьшатся почтовые расходы, истребление бумаги!..

Подумать только, на каждую благодарность участок должен послать ответы в четыре адреса!

В три адреса приходится отвечать Управлению спальных вагонов, начиная обратный маршрут переписки! И в итоге она, эта надуманная переписка, вырастает в десятки тысяч писем в год!.. Для такого потока срочно требуется электронная счётная машина!

Вот почему проводники вагона № 9 с такой печалью смотрели вслед уходящим пассажирам, которые так восторженно написали им благодарность. Они знали, что завтра после получения этого письма придёт в движение огромная машина и начнётся «рассмотрение» признательности пассажиров и «принятие мер» по поводу сердечно высказанного «спасибо».

А. СТОВРАЦКИЙ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Пока они спорят о моём воспитании, я покурю...

ЭНТУЗИАСТ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Все, как один, поедем на целину!

— Все, как один, поедем на новостройки!

Один не как все.

КАК НИ СТРАННО, НО...

...В городе Казани воры среди белого дня во время судебного разбирательства утащили полтора метра ковровой дорожки из зала заседаний Верховного суда, что находится в здании Министерства юстиции Татарской АССР.

Мало того, хулиганы безнаказанно избили шофёра машины, принадлежащей прокуратуре. Это произошло у того же здания Министерства юстиции.

Работники же прокуратуры и юстиции относятся к этим и подобным событиям так же спокойно, как анекдотический флегматик: «Давеча иду по улице, слышу, кого-то бьют. Оборачиваюсь — меня!»

●

...Заведующий Погарским райздравотделом Брянской области тов. Бобовников разучился ходить и не вылезает из санитарной машины с красными крестами. Даже от райздрава до поликлиники, на расстояние трёхсот метров, он предпочитает ездить только в машине.

Местные медики бессильны против болезни тов. Бобовникова. Может быть, облздравотдел найдёт ему подходящее лекарство?

СООБЩАЕМ АДРЕСА

БОЛЬШОГО ОБИДЕЛИ!

Знаете ли вы, что такое верх рассеянности? Если нет, покупайте варежки, изготовленные

артелью «Гатчинская»
(Ленинградская область).

Работники артели по рассеянности забыли... сделать отверстия для большого пальца на целой партии варежек.

Получается почти как в старинной присказке: «Сорока-ворона варежки шила: этому пальчику место дала, этому дала, этому дала и этому дала, а большой остался в обиде!»

ШКАФЫ-ПОЛУФАБРИКАТЫ

Чудесные шкафы выпускает деревообделочный комбинат в г. Запорожье.

Купив такой шкаф, нужно всего лишь:

1. Вставить в дверцу прилагаемое к шкафу зеркало.
2. Приобрести шурупы и закрепить дверцы.
3. Приобрести особые крючки для открывания ящиков, так как ручки на ящиках отваливаются.

Совершив эти операции, вы можете совершенно спокойно пользоваться запорожским шкафом.

Сирены

Секретарь Н-ского мирового съезда Жилин, запечатлённый Чеховым в рассказе «Сирена», внушал своим сослуживцам: «Тоже много значит и воображение-с. Ежели, положим, вы едете с охоты домой и желаете с аппетитом пообедать, то никогда не нужно думать об умном... Едучи домой, надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике да закусочке».

Работники газеты «Молодёжь Молдавии» не спешили с охоты на обед, они верстали газетные полосы, но советом Жилина не пренебрегли. Посмотрите на этот снимок и скажите, наводит ли он на мысль о графинчике?

Казалось бы, нет, а вот работники газеты дали волю воображению и так подписали снимок:

«Первое место в республике! Как хорошо и радостно сегодня на душе у членов комсомольско-молодёжной бригады каменщиков Кишинёвского общестроительного треста! Сегодня после демонстрации ребята тормошили своего бригадира Василия Марченко: «Надо «обмыть» награду — вымпел ЦК ЛКСММ. Ну что ж, друзья, идёмте «обмоем»!».

Как известно, Жилин своим красноречием настолько возбудил аппетит слушателей, что все побросали свои дела и, глотая слюнки, побежали к обеденным столам.

Неужели газета «Молодёжь Молдавии» хочет добиться, чтобы её читатели разбежались по пивным?

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Не знаешь ли ты, как бы смог работать тов. Исаенко, если бы самолёты до сих пор не были изобретены?

Не подумай только, что сам начальник Главприморрыбпрома питает особую страсть к аэропутешествиям. И всё же, однако, лётная погода оказывает существенное влияние на рабочее настроение тов. Исаенко.

Дело в том, дружище Крокодил, что он не может долго не видеться со своими подчинёнными: с теми, кто работает непосредственно во Владивостоке, и с теми, кто находится несколько дальше — примерно за две с лишним тысячи километров. Особенно часто тоскует начальник главка по магаданцам, сотрудникам рыбтреста. Эта тоска всегда находит себе один выход.

— Вызвать ко мне магаданцев на совещание! — решает тов. Исаенко.

И тут же в Магаданский рыбтрест летит радиограмма, а во Владивосток вылетают семеро магаданцев.

Отдав двухдневную дань главку, они в течение месяца любуются достопримечательностями Владивостока, Хабаровска. Прогулка эта, в документах деловито названная «командировкой», обходится государству почти в тридцать тысяч рублей...

Проходит некоторое время, и снова тоскует начальник главка по работникам рыбтреста. И снова летит радиограмма в трест, и снова летит во Владивосток делегация. На этот раз число экскурсантов увеличивается до восьми человек...

Вот так и трясёт трест командировочная лихорадка. Вернулась делегация с семинара — тов. Исаенко требует к себе из Магадана во Владивосток управляющего трестом тов. Тильба и главного инженера тов. Панова. Вместе с ними выезжает и главный бухгалтер треста тов. Фролов. Мрачное у него настроение! Он уже подсчитал, что три последние командировки стоили тресту шестьдесят с лишним тысяч рублей.

Вот как, дорогой Крокодил, тов. Исаенко осуществляет непосредственный, личный и постоянный контакт с сотрудниками отдалённых предприятий!

С. РЫКАЛИН

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известно, что означает слово «судопроизводство». Но если несведущий человек будет знакомиться с судопроизводством в народном суде Теректинского района, то у него может сложиться об этом довольно оригинальное представление. Теректинский суд занимается производством... деревянных подпорок для укрепления потолка своего помещения.

Суд размещается в абсолютно непригодном для работы и жилья здании. Одно время предлагалося даже такой остроумный выход из положения: временно закрыть народный суд. Это было в те дни, когда потолок поддерживало только восемнадцать подпорок. Теперь их двадцать семь.

И ныне, дорогой Крокодил, работники суда ждут твоего совета: ставить им двадцать восьмую подпорку или в двадцать восьмой раз ставить вопрос о предоставлении суду хоть мало-мальски приемлемого помещения? А то, может быть, организовать самодеятельный кружок по изучению опыта героя греческой мифологии титана Атласа, державшего на своих плечах небесный свод?

Н. СЫЧЕВ,
народный судья.

Посёлок Фёдоровка,
Западно-Казахстанской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Хотим поведать тебе одну колхозную быль, достойную твоих вил.

Весной прошлого года была у нас в колхозе большая радость: пришла на наши поля по каналу кубанская вода. Подумали колхозники, пораскинули умом и решили:

— Конечно, сомневаться нечего. В самом что ни на есть ближайшем будущем наша Софиевская МТС непременно получит всевозможную технику для работы на орошаемых землях. А пока давайте-ка не будем терять дорогого времени — поработаем хотя бы прадедовским способом: руками да сошкой!

Так, с помощью «старой техники», освоили в первую весну 102 гектара поливных земель. Наконец получила Софиевская МТС рассадопосадочную машину, два культиватора, но... не получила ни одного трактора «Беларусь» для работы с этим инвентарём. А два таких трактора — без инвентаря! — проехали мимо нашего носа в соседнюю, Книгинскую МТС, которую трасса канала обходит стороной. Вот и опять — уже второй год — приходится нам ковырять поливные участки допотопным способом.

В общем, нижайший поклон от нашей прабабушки сохи начальнику Ставропольского краевого управления сельского хозяйства тов. Чумакову, который отвечает полным молчанием на все заявки и просьбы Софиевской МТС.

А. АНТОНЕНКО,
секретарь партбюро колхоза,
Н. КОВАЛЕНКО,
старший агроном.

Колхоз имени Хрущева,

В ряде сельских школ Хабаровского края нет пришкольных участков.

Рисунок И. ГОРБУНОВА (г. Хабаровск).

— Ребятки! Землёй-то школу колхоз наделил или Районо посодействовало!

Крокодил помог

В фельетоне «Происшествия на целине» («Крокодил» № 31 за 1954 год) рассказывалось о неполадках в строительстве и организации совхозов «Лесного», «Борвиновского», «Урицкого» на целинных землях Кустанайской области.

Теперь центральные усадьбы совхозов превратились в благоустроенные, большие посёлки, где построены столовые, магазины, пекарни, бани и другие культурно-бытовые и производственные помещения.

Новосёлы живут в новых, тёплых домах.

●

В № 5 журнала за 1956 год было помещено письмо А. Скорынина о неудовлетворительном состоянии автомобильной дороги Златоуст — Сатка.

Исполком Челябинского областного Совета сообщил редакции, что на ремонт дороги выделено 400 тысяч рублей, на строительство моста — 70 тысяч рублей. Ремонтно-строительные работы будут произведены в 1956 году.

●

Колхоз «Коллективный» (Карагандинская область) в течение длительного времени не мог получить дизельную электростанцию, из-за чего задерживалась электрификация колхоза. В № 6 журнала «Крокодил» об этом была помещена заметка «Дорогой Крокодил!».

В настоящее время электростанция колхозу доставлена.

●

В том же номере, в рейде «Крокодила» и армянского журнала «Возни» «Камни преткновения» описаны неполадки в сельском хозяйстве Талинского района.

Совет министров Армянской ССР сообщил редакции, что для очистки пахотных земель района от камней выделено 2 экскаватора, 2 скрепера, 4 самосвала.

Для завершения строительства и механизации животноводческих объектов района в течение 1956 года будет отпущено 3 572 кубических метра делового леса, 32 тысячи шиферных плиток, 1 200 погонных метров газовых труб. Предложено Сельхозбанку открыть колхозам района кредит в сумме 800 тысяч рублей.

●

В заметке «Дед мороз и «Скорая помощь» («Крокодил» № 6) было рассказано о плохой работе Минской станции «Скорой помощи» и о безгаражном хранении машин.

Исполком Минского городского Совета обсудил заметку. Для улучшения обслуживания населения созданы районные пункты «Скорой помощи». Начато строительство гаражей. Перед Министерством здравоохранения БССР возбуждено ходатайство о выделении средств для строительства городской станции «Скорой помощи».

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47. 1-я улица Ямского поля, дом № 28/30. Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06950. Изд. № 461. Подписано к печати 30/V 1956 г. Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{8}$. Заказ 1594. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок В. ГОРЯЕВА

ПОПУТЧИКИ

— Я в Сибирь, а вы?
— В Донбасс.